

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORY

УДК 94 (470.57)

DOI: 10.30914/2411-3522-2025-11-1-9-17

ПОДЪЕМ СО «СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ГЛУБИНЫ»: ПРИЧИНЫ СМЕНЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ТУРЦИИ В 2015 ГОДУ

А. М. Абидулин, А. П. Кобяков

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация*

Аннотация. С момента основания Турецкой Республики в 1923 году и до прихода партии Реджепа Тайипа Эрдогана к власти в стране Анкара придерживалась принципов «шести стрел» кемализма, а именно: избираемость верховной власти, сохранение политического национализма, народность, светский характер власти, построение и в дальнейшем сохранение системы смешанной экономики и борьба с пережитками старого общества. Кемализм сосредоточился на более узких интересах национального государства, отказавшись от заботы о «внешних турках», тюркских народах, проживающих за пределами Турции, а в своем политическом развитии ориентировался на Запад. Формирование однополярной системы международных отношений, новые вызовы и проблемы в экономической, политической, социальной и энергетической сферах во многом привели к тому, что политическая элита выступила с идеей переориентации курса страны. Пришедший к власти в составе команды Эрдогана на пост премьер-министра в 2015 году Ахмет Давутоглу пытался притворить в жизнь концепцию взвешенной внешней политики, согласно концепции, разработанной им и изложенной в монографии «Стратегическая глубина». Но уже в 2016 году после попытки военного переворота в Турции и череды пограничных конфликтов его концепция окончательно утратила свою актуальность, уступив место новым идеям Эрдогана. В 2019 году их дополнила новая доктрина «Голубая родина», разработанная бывшим начальником Штаба военно-морских сил, контр-адмиралом Джихадом Яйджи совместно с адмиралом Джемом Гурденизом. В данной статье мы рассмотрим формирование нового внешнеполитического курса Турции, причины появления концепции «стратегической глубины» в период XXI века, а также отказа от нее. Цель: изучить причины отказа политического руководства Турции от проведения политики «стратегической глубины». Научная новизна состоит в том, что в комплексе рассмотрены различные подходы турецкого руководства к реализации внешнеполитического курса Турции. В ходе проведения исследования был использован системный анализ и исторический метод.

Ключевые слова: Турция, внешняя политика, Ахмет Давутоглу, «стратегическая глубина», Ближний Восток, международные отношения, «мягкая сила», «Голубая родина»

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Абидулин А. М., Кобяков А. П. Подъем со «Стратегической глубины»: причины смены внешнеполитического курса Турции в 2015 году // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2025. Т. 11. № 1. С. 9–17. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2025-11-1-9-17>

THE RISE FROM THE “STRATEGIC DEPTH”: THE REASONS FOR THE CHANGE OF TURKEY'S FOREIGN POLICY COURSE IN 2015

A. M. Abidulin, A. P. Kobayakov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. From the founding of the Turkish Republic in 1923 until Recep Tayyip Erdogan's party came to power in the country, Ankara adhered to the principles of the “six arrows” of Kemalism. Namely, the electability of the supreme power, the preservation of political nationalism, nationality, the secular nature of power, the construction and further preservation of a mixed economy system and the fight against the remnants of the old society. Kemalism focused on the narrower interests of the national state, abandoning concern for the “external Turks”, the Turkic peoples living outside Turkey, and in its political development was oriented towards the West. The formation of a unipolar system of international relations, new challenges and problems in the economic, political, social and energy spheres, largely led to the fact that the political elite came up with the idea of reorienting the country's course. Ahmet Davutoglu, who came to power as part of Erdogan's team as Prime Minister in 2015, tried to implement the concept of a balanced foreign policy, according to the concept he developed and outlined in the monograph “Strategic Depth”. But already in 2016, after an attempted military coup in Turkey and a series of border conflicts, his concept finally lost its relevance, giving way to Erdogan's new ideas. In 2019, they were supplemented by a new doctrine “Blue Homeland”, developed by the former Chief of Staff of the Naval Forces, Rear Admiral Jihad Yayci together with Admiral Cem Gurdeniz. In this article, we will consider the formation of a new foreign policy course for Turkey, the reasons for the emergence of the concept of “strategic depth” in the 21st century, as well as its rejection. Purpose: to study the reasons for the refusal of the Turkish political leadership to pursue politics and soft power. The scientific novelty lies consists in the fact that various approaches of the Turkish leadership to the implementation of Turkey's foreign policy are considered in a comprehensive manner. In the course of the research, a systematic analysis and a historical method were used.

Keywords: Turkey, foreign policy, Ahmet Davutoglu, “strategic depth”, Middle East, international relations, “soft power”, “Blue Homeland”

The authors declare no conflict of interest.

For citation: *Abidulin A. M., Kobayakov A. P.* The rise from the “Strategic depth”: The reasons for the change of Turkey's foreign policy course in 2015. *Vestnik of the Mari State University. Chapter “History. Law”*. 2025, vol. 11, no. 1, pp. 9–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2025-11-1-9-17>

В качестве источников в настоящей работе использованы труды А. Давутоглу, в которых он излагает свою концепцию «Стратегической глубины», позволяющую не только отследить изменение основных векторов внешней и внутренней политики Турции начала XXI века, но и проанализировать, как транслировались эти изменения в массовое сознание, формируя новую доктрину государства. Кроме того, источниковая база включает в себя речи и выступления руководителей Турции, прежде всего Р. Т. Эрдогана. Пересмотр государственной доктрины и формирование стратегии «Голубая Родина» также нашли отражение в выступлениях Р. Т. Эрдогана. В рамках исследования рассматриваются научные труды автора концепции – Ахмета Давутоглу, а также отечественных и зарубежных, в первую очередь турецких, авторов.

В. А. Аватков отмечает, что в основе принципов А. Давутоглу лежало уважение территориальной целостности государств, добрососедство, а также невмешательство во внутренние дела третьих стран. Страна в целом следовала целям, заложенным А. Давутоглу: были налажены дипломатические отношения с государствами, ранее имевшими разногласия с Турецкой Республикой. Доктрина «ноль проблем с соседями» принесла Турции определенные политические дивиденды в виде нормализации отношений со многими игроками на Ближнем Востоке, однако руководство в Анкаре не учло возможность перемен и революций, которые могут привести к власти людей, не разделяющих взгляды Анкары на ряд вопросов [1, с. 9].

Ю. Маврина считает, что, преобразовав внешнеполитический курс страны на основе своей

концепции, Давутоглу смог опровергнуть мнение многих аналитиков, считавших, что с окончанием холодной войны Турция неминуемо превратится из фланговой страны НАТО в периферийную. Последовательная сбалансированная политика, согласованно проводимая премьер-министром Турции Эрдоганом, президентом Гюлем и министром иностранных дел Давутоглу, напротив, превращает Турцию в ключевую страну региона и делает непозволительным игнорирование ее участия в международных процессах [2, с. 75].

С. С. Третьяк, рассматривая концепцию «стратегической глубины», полагает, что она не претерпела каких-либо крупных изменений в турецкой официальной внешнеполитической доктрине. Турция по-прежнему декларирует приверженность демократии, но уже с оглядкой на мусульманскую специфику общества, и призывает всех партнеров к продуктивному диалогу. Тем не менее накопленная мощь и амбиции турецких лидеров отчетливо демонстрируют, что долгий внешнеполитический эволюционный путь, имевший место в первое десятилетие XXI в., уже не отвечает на растущие турецкие запросы. «Стратегическая глубина», как может показаться, вовсе не изжила себя. Ее идеи и цели продолжают реализовываться еще более быстрыми темпами. Однако на данном этапе ее инструментарий все менее сопрягается с элементами «мягкой» силы, и все более – с элементами «жесткой» [3, с. 119].

Турция проводит достаточно агрессивную и провокационную политику в тех регионах мира, которые она рассматривает как попадающие в сферу ее геополитических интересов. С одной стороны, такая внешняя политика напрямую связана с личностью президента Р. Т. Эрдогана, с другой стороны, она опирается на определенную идеологию, в том числе неоосманизма и пантюркизма, которые носят яркий наступательный характер, считает П. А. Гудев. Он отмечает, что доктринальное оформление этой идеологии применительно к морским пространствам вылилось в разработку концепции «Голубая родина» (Mavi Vatan), обосновывающей притязания Анкары на те или иные акватории [4, с. 473].

Переориентация взглядов турецкого правительства произошла после прихода к власти партии «Справедливости и развития» (далее ПСР) в 2001 году. Многие характеризовали эту партию как «исламо-ориентированную», хотя само руководство отказывалось от данного наименования,

указывая на приверженность партии к «консервативной демократии»¹. К началу XXI века избиратели устали от обещаний правительства о скором экономическом подъеме, снижении уровня безработицы и повышении значимости страны на международной арене, поэтому «свежий взгляд», преимущественно опирающийся на независимую политику страны, оказался очень привлекательным. Анализируя партийную программу партии Эрдогана, можно обратить особое внимание на так называемое ядро программы ПСР, включавшее либерально-демократические ценности, стремление к модернизации общества в условиях сохранения традиционных ценностей, развитие идеи «Великой Турции», которое привлекло большое количество избирателей. Гибкость концепции партии обеспечило расширение поддержки среди электората и собственно скорую аккомодацию политической идеи.

Результаты парламентских выборов, состоявшихся 3 ноября 2002 г., повергли в шок турецкие политические, общественные, деловые и военные круги. В ряде европейских столиц и в Соединенных Штатах они были восприняты с определенной степенью озабоченности. ПСР, которую европейские и американские политологи определяют как происламскую правую партию или партию умеренных исламистов, одержала впечатляющую победу на выборах в светской Турции, набрав 34,5 % голосов. Однако, вопреки опасениям скептиков, руководство ПСР не предприняло серьезных шагов по изменению светского характера политической системы Турции. Напротив, ПСР провозгласила своими основными целями создание современного демократического государства и активизацию процесса присоединения к Европейскому сообществу в соответствии с его политическими критериями. Кроме того, ПСР стремилась доказать возможность сосуществования ислама и демократии, чего ни одна турецкая партия ранее не осмеливалась сделать.

Новые действия, предпринимаемые партией, были встречены поддержкой со стороны гражданского общества. В первую очередь, конечно,

¹ Приход к власти Партии справедливости и развития. Основные направления ее деятельности // Турецкий клуб МГИМО. 27.03.2012. URL: https://mgimotc.ucoz.ru/stuff/istorija/istorija/prikhod_k_vlasti_partii_spravedlivosti_i_razvitija_osnovnye_napravlenija_ee_deyatelnosti/2-1-0-28 (дата обращения: 24.01.2024).

это касалось решения экономических проблем. Начиная с 1990 по 2001 г. рост ВВП на душу населения практически не изменился, когда во всей Европе и Америке, напротив, наблюдался экономический подъем. Что касается роли страны на мировой арене, то она не была такой значительной в то время, учитывая увлеченность страны внутренними проблемами, а также стоящими перед партией вызовами в вопросах модернизации общества и реализации идеи «неоосманизма».

Для достижения успеха ПСР необходим был соответствующий план, и он был предложен на тот момент правительству Ахметом Давутоглу, который в период с 2002–2009 г. занимал пост главного советника по внешнеполитическим вопросам премьер-министров Абдуллаха Гюля (2002–2003) и Реджепа Тайипа Эрдогана (2003–2014), а также был послом по особым поручениям. В январе 2003 г. ему был присвоен ранг чрезвычайного и полномочного посла. Давутоглу курировал ряд ключевых внешнеполитических вопросов, из-за чего его стали называть «теневым министром иностранных дел».

Концепция А. Давутоглу получила название «Стратегическая глубина». Согласно идеологическим взглядам А. Давутоглу, внешняя политика Турции должна основываться на трех методологических и пяти функциональных принципах. Суть первого принципа заключается в гибком подходе к проблемам, существующим во внешней политике турецкого государства. Второй методологический принцип базируется на «непротиворечивости и системности» политики Анкары. То есть ее политическое видение международных отношений должно совпадать с политикой различных стран и регионов мира. Третий принцип характеризуется выработкой нового дипломатического стиля, который должен привести к распространению турецкого влияния в регионе. В отличие от этих трех методологических принципов, являющихся своего рода теоретическим базисом [5, с. 80], А. Давутоглу были выделены пять функциональных начал, направленных на практическое осуществление турецкой внешней политики: 1) баланс между демократией (свободой) и безопасностью; 2) «нулевые проблемы с соседями»; 3) превентивная и приоритетная мирная дипломатия; 4) многомерная внешняя политика; 5) ритмичная дипломатия [5].

Таким образом, совокупность идей и направления их реализации представлялись для А. Давутоглу наиболее выигрышной комбинацией в широком секторе вопросов, представляющем на тот период времени наибольшую актуальность в сфере как внутренней политики, так и внешней.

Реализация идеи и первые препятствия (2003–2014)

Согласно концепции «Стратегической глубины» особую роль Турция должна отдавать реализации идеи восстановления «тех отношений с государствами, с которыми она выстраивала политику как дружественную, так и не совсем». Иными словами, правительству необходимо укрепить дружественные отношения с соседними государствами и урегулировать все спорные вопросы, возникшие ранее, несмотря на их давность и остроту. В 1990-е годы отношения между странами начали улучшаться, особенно после 2003 года, когда Реджеп Тайип Эрдоган стал премьер-министром Турции. В 2000-е годы Турция стала главным направлением российского международного туризма. В дальнейшем последовали совместные важные энергетические проекты, способствующие не просто стабилизации, а укреплению дипломатических отношений между странами.

С приходом к власти нового руководящего состава партии «справедливости и развития», действуя постулатам «глубины», Анкара демонстрировала свою приверженность к нормализации отношений с соседними государствами в целях обеспечения национальной безопасности, а также развития двусторонних связей. Данный момент в большей степени коснулся стран Ближнего Востока, Армении и, конечно же, Греции. Помимо урегулирования вопросов с соседними государствами, А. Давутоглу также отмечал и такую позицию, как заинтересованность и непосредственная вовлеченность в разрешение конфликтов, что выразилось в стремлении страны в увеличении присутствия своих военных баз за границей, а также в участии в миротворческих операциях. Особенно это выразилось в активизации действий турецкого руководства при проведении миротворческой операции в Косово [6, с. 15]. Примечательно, что, начиная с данного момента, противоречивость официальной политики и курса «Стратегической глубины» отмечалась

во взглядах турецкого руководства на «Косовский вопрос», идейная составляющая и признание приоритета «мягкой силы» не увязывались с проведением бомбардировки Югославии в 1999 году. Однако большинство действий были благополучно списаны на старое правительство, а также выраженную поддержку братского албанского народа, который один из первых принял ислам во времена Османской империи. Усиление присутствия миротворческих сил Турции в регионе восточной Европы во многом насторожило большинство представителей стран ЕС [6 с. 16]. Новое правительство активно стремилось продемонстрировать важность своей роли в регионе, хотя встречное сопротивление Франции и Германии во многом заставило «пришпорить коней» в идее вступления Турции в ЕС. Поэтому одними из наиболее важных шагов для страны стали, во-первых, получение максимальной поддержки от союзнических государств, а во-вторых, извлечение из нее максимальной выгоды.

Активная внешняя политика Турции нашла свое отражение в деятельности в рамках международных организаций, начиная от ООН и заканчивая G-20, ОИК, НАТО, ОБСЕ и ОЭС. В каждом конкретном случае Анкара использует возможность продвинуть множество выгодных для нее инициатив. Особенно стоит отметить период членства в Совете Безопасности ООН и G-20 в 2009–2010 гг., которые на тот момент играли роли базовых структур глобального экономического управления и принесли дополнительную ценность для Турции в многосторонней дипломатии [7].

В целом Турция добилась большого прогресса в реализации пяти принципов внешней политики, сохраняя активную позицию в их применении на практике. Это необходимо не только для национальных интересов, но и для создания международной среды, благоприятствующей сотрудничеству и диалогу. Так, помимо закрепления успеха на международной арене, расширения многостороннего сотрудничества, это привлекло большое количество инвесторов в страну, за чем и последовали долгожданный за многие года экономический рост и снижение уровня безработицы. Это приободрило действующее на тот момент правительство и, конечно, стимулировало его на выстраивание более глобальных планов, предполагаемых реализовать к столетию республики в 2023 году.

Период начала второго десятилетия XXI века сыграл особую роль при формировании «дорожной карты» отношений Турецкой Республики со странами Ближнего Востока. В частности, Анкара позиционировала себя как самая настоящая «демократическая держава». Однако само государство рассматривало «демократию» не как устоявшиеся идеи, которые страна просто переняла ввиду тесного сотрудничества с западными государствами, а как внешнеполитическую концепцию, во многом определяющую ее приверженность к традиционному курсу.

Арабская весна заставила Анкару обратить внимание на своих восточных коллег [8, с. 65] и, как полагается в лучших традициях страны, обратить на себя внимание. Во время своего интервью египетской газете Давутоглу подчеркнул: «Неизбежен тот факт, что в следующие десятилетия мы станем свидетелями борьбы за превращение таких «закостенелых порочных кругов» в «круги благоразумия». Возможно, у кого-то это получится, у кого-то нет. Однако те, кто добился успеха, будут прокладывать путь своим менее удачливым коллегам. Ход национальных движений будет определяться народами региона»¹.

Поэтому разворот страны на восток во многом обосновывался новым правительством как ее историческая приверженность к исламской культуре и связи с соседними государствами. Также, по мнению Давутоглу, основой проведения успешного политического курса страны является, во-первых, непосредственное участие страны в урегулировании кризисных ситуаций в регионе, что позволило бы при удачном стечении обстоятельств взять инициативу на себя и получить новых надежных партнеров, собственно, как это было после революции в Египте в 2011–2013 гг. [9, с. 201]. Однако это может привести к негативным результатам, как это случилось с Сирией с началом гражданской войны в 2011 году. Мнение Давутоглу, как и всего политического руководства страны, касательно процессов Арабской весны оставалось принципиальным.

Как позже заявил бывший министр иностранных дел, позиция страны касательно процессов Арабской весны основывалась на двух столпах:

¹ Интервью А. Давутоглу египетскому журналу AUC Cairo Review // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. 12.03.2012. URL: https://www.mfa.gov.tr/interview-by-mr_-ahmet-davutoğlu-published-in-auc-cairo-review-_egypt_-on-12-march-2012.en.mfa (дата обращения: 14.01.2024).

1) поддерживать реформы для повышения прозрачности, легитимности;

2) проводить их мирным путем.

Анкара предпочитала политику невмешательства, чтобы режимы сами несли факел перемен. Согласно мнению отечественных политиков на тот период, власти Анкары подчеркивали, что устойчивая безопасность и стабильность в регионе достижимы только путем удовлетворения законных требований людей, реализуемых посредством проведения реформ, без применения насилия. Принципы суверенности, независимости, территориальной целостности и политического единства каждой страны должны быть сохранены и быть в приоритете. Также важно не допустить, чтобы этими процессами воспользовались радикалы, которые стремятся разжечь межконфессиональную, этническую или идеологическую рознь по всему региону.

Хотя, занимая политику невмешательства, Турция не раз заявляла, что готова поделиться своим опытом с заинтересованными странами, но, как показала практика, политика «мягкой силы», которая ранее демонстрировала положительные результаты, оказалась непрактичной для обеспечения безопасности страны. Эскалация конфликта в приграничной зоне требовала применения более решительных мер [8, с. 39].

Первыми шагами при принятии новых взглядов на смену политического вектора страны принято считать начало проведения Турцией военных действий в приграничных районах Сирийско-арабской республики как символа, положившего начало формирования мыслей завершения «мягкой силы», переориентации внешней политики страны¹.

Конечно, реализация концептуальных основ «СТ» во многом позволила улучшить положение страны на международной арене, закрепив ее успех в широком спектре сфер, охватывая как внешние, так и внутренние интересы страны.

Во многом это обуславливалось не только строгим следованием основам идейной составляющей А. Давутоглу, но и другими факторами, в частности проведением грамотных экономических реформ внутри страны, а также полным

устранением всех внутренних сил, имеющих вес против основной власти, например представителей военной элиты [10, с. 31]. Идеализм представления внешней политики страны во многом оказался порочен, поэтому некоторые политологи назвали положение страны в 2010-е года следующим образом: вместо «ноля проблем с соседями» Турция получила «ноль отношений с соседями», что, безусловно, привело ее на распутье и к вопросу «что делать?». Нарастающее недовольство внешнеполитическим курсом страны и прирост беженцев с Ближнего Востока, участвовавшие акты терроризма со стороны курдов требовали пересмотра взглядов от политического руководства.

С вступлением на пост президента Турции Р. Т. Эрдогана и с последующим уходом в отставку А. Давутоглу после турецкой атаки на российский истребитель Турция решила на пересмотр своих взглядов на обеспечение безопасности, а также на методы проведения внешнего национального курса.

Первым шагом к смене политического курса стало выступление Реджепа Тайипа Эрдогана на 74 Генеральной Ассамблее ООН, в ходе которой он заявил, что «мир больше, чем пять»², намекая на несостоятельность совета безопасности организации и, конечно, приуменьшение роли остальных стран касательно решения глобальных проблем. Если ранее Турция стремилась реализовать все вопросы, связанные со стабилизацией конфликта или иного напряжения при участии международных организаций, то с 2019 года страна начала отдавать предпочтение самостоятельному участию в их разрешении.

Конечно, руководство Турции решилось, пусть и не на кардинальный, но на достаточно явный пересмотр методов ведения внешнеполитической деятельности. Проведение крупных военных операций на территории Сирии против курдских повстанцев, увеличение финансирования в области ОПК и расширение присутствия национальных вооруженных сил, принятие новой доктрины «Голубая родина», базирующейся на установлении лидерства Турции на Средиземном

¹ Критическое заявление Давутоглу по Сирии // SABAH. 18.02.2012. URL: <http://www.sabah.com.tr/Dunya/2013/04/21/davutoglundan-kritik-suriye-aciklamasi> (дата обращения: 16.01.2024).

² Выступление Президента Турции Р. Т. Эрдогана на 74-й Генеральной Ассамблее ООН // Видеохостинг YouTube. 25.09.2019. URL: https://youtu.be/wjTOyt181P0?si=y5OYVAW_zKZC8AnL (дата обращения: 04.02.2024).

море, а также усиление военно-морских сил страны подтвердили отказ Анкары от «мягкой силы» и ее переход на более жесткий манер реализации собственных интересов.

Сама по себе «Голубая родина» представляла собой официальную доктрину взглядов Турции, направленную на реализацию своих интересов в зоне Средиземного моря, в частности, в ней подчеркивалось, что острова в Средиземном море не могут иметь собственной исключительной экономической зоны (далее-ИЭЗ) общей протяженностью в 200 миль, в соответствии со статьей 121 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву и должны иметь право только на сокращенную протяженностью 12 морских миль¹ или вообще не иметь. Более того, согласно принципу справедливости, ИЭЗ должна совпадать с континентальным шлейфом, исходя из относительно протяженности морских границ.

Конечно, мировое сообщество раскритиковало позицию Турции по данному вопросу и в основном назвало подход, отвечающий интересам «меньшинства», но не большинства.

Это не остановило правительство Эрдогана в реализации данной идеи, в первую очередь это коснулось сферы обороны. Анкара начала стремительно развивать национальный ОПК, в особенности это коснулось вопроса разработок военных кораблей и БПЛА, предназначенных для взлета с морских платформ.

Что касается политической сферы, то Анкара продолжила активно проводить данную концепцию как жизненно-необходимый фактор обеспечения энергетической и национальной безопасности страны в Средиземноморском регионе. Заключение ряда договоров об установлении морских зон ответственности, в частности сделка Ливии и Турции в 2019 г. только подтверждало намерение правительства усилить свое влияние в Средиземноморском регионе².

¹ Jihat Yayidzhi. MAVI VATAN. Haritası ve Doktrin Kitabı. Denizde Türkiye Ulusal Antlaşması. 2022. Pp. 55–57.

² Ногманов Б. Турция нашла в водах Средиземноморья «Голубую родину» // Реальное время. 16.01.2021. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/199861-turciya-nashla-v-vodah-sredizemnomorya-golubuyu-rodinu> (дата обращения: 22.01.2024).

1. Аватков В. А., Мишин Л. Д. «Голубая Родина» как этап выстраивания субъектности Турции // Ближний и Советский Восток. 2024. № 3 (7). С. 7–22. DOI: <https://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2024.03.01>

2. Маврина Ю. В. Концепция внешней политики Турции Ахмета Давутоглу // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. № 1. С. 69–75. URL: <https://elibrary.ru/skhqqt> (дата обращения: 22.01.2024).

Несмотря на достигнутые ранее успехи политической концепции А. Давутоглу и его значимой роли при формировании современной Турции и ее положения на мировой арене, обострение ситуации на Ближнем Востоке, а также разность позиции Анкары и международных организаций на региональные конфликты понудили Эрдогана пересмотреть концепцию «Стратегической глубины» и перейти к более жесткой политике. На смену доктрины А. Давутоглу пришла доктрина «Голубая родина» во многом соответствующая идеологической концепции Р. Т. Эрдогана, которую он изложил ранее в книге «Более справедливый мир возможен! Актуальное предложение по реформе Организации Объединенных Наций». Изначально вновь разработанную «дорожную карту» внешнеполитической идеи восприняли как адаптированную под современные реалии идею «кемализма». Казалось бы, нереализованные идеи Мустафы Кемаля Ататюрка касательно морских границ с Грецией и невыгодная для Турции доктрина «Монтрё», обоснованно заняли свое место в реализации дальнейших планов руководства [11]. Однако это не совсем так. Как известно, Эрдоган никогда не питал особой симпатии к политике Ататюрка и тем более к его политическому курсу, особенно ярко это можно было заметить во время его предвыборной кампании и в борьбе с партией национального развития во главе с Кылычдароглу. Эрдоган балансирует между уважением к человеку, создавшему страну, и созданием собственного наследия, поэтому новая концепция должна была дать президенту возможность стать более значимой фигурой в истории республики, нежели ее основатель. Хотя взгляды и базировались, можно сказать, на личных взглядах президента, однако позволили Турции стабилизировать ситуацию как внутри страны, так и в приграничных с Сирией районах, оформили идею прихода государства к полной как экономической, так и политической самостоятельности, а также укрепили связи Анкары с тюркскими государствами.

3. Третьяк С. С. Концепция Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина»: теория и практика // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2022. Т. 8 (74). № 2. С. 109–123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-ahmeta-davutoglu-strategicheskaya-glubina-teoriya-i-praktika> (дата обращения: 22.01.2024).
4. Гудев П. А. Основы турецких притязаний в Восточном Средиземноморье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 472–486. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-472-486>
5. Davutoglu A. Turkey's Foreign Policy Vision: An Assessment of 2007 // Insight Turkey. 2008. Vol. 10. No. 1. Pp. 77–96. URL: <https://file.setav.org/Files/Pdf/ahmet-davutoglu-turkeys-foreign-policy-vision-an-assessment-of-2007.pdf> (дата обращения: 17.02.2024).
6. Vračić A. The role of Turkey in the Western Balkans. German Institute for International and Security Affairs. 2016. No. 20. Pp. 15–17. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2016RP11_vcc.pdf (дата обращения: 10.01.2024).
7. Шлыков П. В. Трансформация региональной политики Турции в условиях конкурентной полицентричности на Ближнем Востоке (2000–2010-е годы) // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatiya-regionalnoy-politiki-turtsii-v-usloviyah-konkurentnoy-politsentrichnosti-na-blizhnem-vostoke-2000-2010-e-gody> (дата обращения: 13.01.2024).
8. Abdo G. The New sectarianism: Arab Uprisings and the Revival of the Shiite-Sunni Divide // The Center for Policy Analysis in the Middle East. 2013. No. 29. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/sunni-shia-abdo.pdf> (дата обращения: 10.01.2024).
9. Aras B. Turkey's Mediation and Friends of Mediation Initiative // Documents of the Center for Strategic Studies, 2012. No. 4. URL: <https://www.sam.gov.tr/media/mediafields/Paper/48y2zd68czgxf571h0bwy9tdt/acb490b52ab2641ac457bab3d4377a2e.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).
10. Шлыков П. В. Военная элита в политической системе Турецкой Республики // Элиты стран Востока: сб. ст. М.: Ключ-С, 2011. С. 31–60.
11. Трифонов Е. От восхода до заката: кемалистский век Турции // Историк – общественно-политический журнал. URL: <https://historicus.ru/kemalizm> (дата обращения: 21.01.2024).

Статья поступила в редакцию 05.03.2025; одобрена после рецензирования 07.04.2025; принята к публикации 07.05.2025.

Об авторах

Абидулин Алим Маратович

кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии, институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (603005, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2), abidulin@imomi.unn.ru

Кобяков Александр Павлович

аспирант кафедры восточных языков и лингвокультурологии, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (603005, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2), vozhd9945@gmail.com

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Avatkov V. A., Mishin L. D. “Golubaya Rodina” kak etap vystraivaniya sub"ektnosti Turtsii [“Blue Homeland” as Step for Development of Turkey’s Subjectivity]. *Blizhnii i Postsovetskii Vostok* = Middle & Post-Soviet East, 2024, no. 3 (7), pp. 7–22. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2024.03.01>
2. Mavrina Yu. V. Kontseptsiya vneshnei politiki Turtsii Akhmeta Davutoglu [Ahmet Davutoglu’s Conception of Turkish Foreign Policy]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* = Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2014, vol. 14, no. 1, pp. 69–75. Available at: <https://elibrary.ru/skhqtt> (accessed 22.01.2024). (In Russ.).
3. Tret'yak S. S. Kontseptsiya Akhmeta Davutoglu “Strategicheskaya glubina”: teoriya i praktika [Concept “Strategic depth” by Ahtem Davutogly: theory and practice]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* = Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies, 2022, vol. 8 (74), no. 2, pp. 109–123. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-ahmeta-davutoglu-strategicheskaya-glubina-teoriya-i-praktika> (accessed 22.01.2024). (In Russ.).

4. Gudev P. A. Osnovy turetskikh prityazanii v Vostochnom Sredizemnomor'e [Foundations of Turkish Claims in the Eastern Mediterranean]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* = Vestnik RUDN. International Relations, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 472–486. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-472-486>
5. Davutoglu A. Turkey's Foreign Policy Vision: An Assessment of 2007. *Insight Turkey*, 2008, vol. 10, no. 1, pp. 77–96. Available at: <https://file.setav.org/Files/Pdf/ahmet-davutoglu-turkeys-foreign-policy-vision-an-assessment-of-2007.pdf> (accessed 17.02.2024). (In Eng.).
6. Vračić A. The role of Turkey in the Western Balkans. German Institute for International and Security Affairs, 2016, no. 20, pp. 15–17. Available at: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2016RP11_vcc.pdf (accessed 10.01.2024). (In Eng.).
7. Shlykov P. V. Transformatsiya regional'noi politiki Turtsii v usloviyakh konkurentnoi polititsentrchnosti na Blizhnem Vostoke (2000–2010-e gody) [Competitive Multipolarity in the Middle East and the Transformation of Turkey's Regional Policies in the 2000s and 2010s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* = Lomonosov World Politics Journal, 2019, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-regionalnoy-politiki-turtsii-v-usloviyakh-konkurentnoy-politsentrchnosti-na-blizhnem-vostoke-2000-2010-e-gody> (accessed 13.01.2024). (In Russ.).
8. Abdo G. The New sectarianism: Arab Uprisings and the Revival of the Shiite-Sunni Divide. *The Center for Policy Analysis in the Middle East*, 2013, no. 29. Available at: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/sunni-shia-abdo.pdf> (accessed 10.01.2024). (In Eng.).
9. Aras B. Turkey's Mediation and Friends of Mediation Initiative. *Documents of the Center for Strategic Studies*, 2012, no. 4. Available at: <https://www.sam.gov.tr/media/mediafields/Paper/48y2zd68czgxf571h0bwy9tdt/acb490b52ab2641ac457bab3d4377a2e.pdf> (accessed 14.01.2024). (In Eng.).
10. Shlykov P. V. Voennaya elita v politicheskoi sisteme Turetskoi Respubliki [Military elite in the political system of the Turkish Republic]. *Elity stran Vostoka : sb. st.* = Elites of the countries of the East: collection of articles. M., Klyuch-S Publ., 2011, pp. 31–60. (In Russ.).
11. Trifonov E. Ot voskhoda do zakata: kemalistskii vek Turtsii [From sunrise to sunset: the Kemalist century of Turkey]. *Istoriik – obshchestvenno-politicheskii zhurnal* = Historian – socio-political journal. Available at: <https://historicus.ru/kemalizm> (accessed 21.01.2024). (In Russ.).

The article was submitted 05.03.2025; approved after reviewing 07.04.2025; accepted for publication 07.05.2025.

About the authors

Alim M. Abidulin

Ph. D. (History), Associate Professor of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (2 Ulyanov St., Nizhny Novgorod 603005, Russian Federation), abidulin@jmomi.unn.ru

Alexander P. Kobayakov

Postgraduate Student at the Department of Oriental Languages and Linguoculturology, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (2 Ulyanov St., Nizhny Novgorod 603005, Russian Federation), vozhd9945@gmail.com

All authors have read and approved the final manuscript.